

ПЕРЕГОВОРЩИК

«Выходи по одному и бросай оружие на снег!.. А теперь Горбатый! Я сказал: Горбатый!», — иного разговора с бандитами быть не может. Так это представлялось по советским фильмам. Профессия переговорщика сделалась известной по западным детективам. Если хочешь сохранить жизнь заложникам, с преступниками надо беседовать, успокаивать их, оттягивать время, договариваться, меняться. Принимать какие-то из их требований, выдвигать собственные и добиваться их выполнения. И не снайперы, не вертолёт, не группы захвата решают в конце концов дело, а этот спокойный, подготовленный, мгновенно сопрягающий все обстоятельства и принимающий решения человек — переговорщик. Стратег и тактик освобождения заложников.

Именно эту роль в конце 70-х годов взял на себя автор этой книги Борис Иванович Иванов. От имени непризнанного властью культурного сообщества Ленинграда он вместе со своими соратниками и союзниками Игорем Адамацким, Юрием Новиковым, Борисом Останиным, Аркадием Драгомощенко, Налем Подольским и другими начал переговоры с КГБ. Переговоры о вещи — тогда почти невысказанной — о выходе из подполья, создании того, что будет названо Клубом-81. Только за переговорщиком не стояли бронированные автомобили, вооружённые до зубов люди, локаторы и прослушка телефонов. Всё это было у «бандитов». А переговорщик был сам из числа заложников, и никто, кроме заложников, ему не помогал. Ещё одно отличие от детективов — Борис Иванов всегда брал с собой на переговоры одного или нескольких товарищей. Для того, чтобы «бандиты» понимали: они имеют дело не с чудачком-одиночкой, а с общественным движением. И одновременно, чтобы у других членов клуба не возникало сомнений относительно честности и открытости переговоров.

А между тем, трудно представить себе более не склонных к переговорам заложников, чем представители ленинградской неофициальной культуры рубежа 70-х—80-х годов. Сведя свои отношения с государством к минимуму (устройство на работу оператором котельной, сторожем и т.д.), поэты, художники, музыканты, режиссеры, критики, философы, не имевшие надежды на выход к широкой аудитории, в большинстве своём вроде бы и не испытывали потребности в нём. Вариться в собственном котле или, если угодно, обитать в катакомбах, творить для узкого круга ценителей вошло в привычку и сделалось нормой. Всякая организация представлялась либо опасной, либо бессмысленной. Любая договорённость с КГБ, да просто переговоры с ним, казались коллаборационизмом. Стержнем кактаскомбной культуры того времени был индивидуализм, и люди зачастую с подозрением относились ко всему открытому и общественному, видя в нём посягательство на «тайную свободу» личности. Такие заметные фигуры независимого культурного движения, как Тамара Буковская и Владимир Эрль, так и не вошли в Клуб.

Поэтому переговорщик оказывался между молотом государства и наковальной неофициальной культуры. Как Борису Иванову и его единомышленникам удалось заразить идеей клуба стольких петербургских мечтателей и чудачков, непонятно. Может, это было кем-то в конце 70-х смутно ощущаемое, кем-то ясно осознанное чувство кризиса? Может, решающим оказалось слово «клуб», ассоциировавшееся не с советскими кружками по интересам, а с Английским клубом, а может, и с Пиквикским — действительно, собрание эксцентриков! Может, рождение Клуба-81 подготовила школа

конференций независимого культурного движения, школа религиозно-философского семинара, устроенного Виктором Кривулиным и Татьяной Горичевой, школа самиздатских журналов и, в первую очередь, «Часов», издаваемых Борисом Ивановым бесперебойно в течение 14 лет (1976-1990), но также и «37», и «Северной почты», и «Обводного канала» и других? Ведь многолетнее и регулярное сотрудничество авторов и редакторов, постоянные рубрики – это уже форма организации разрозненных индивидов, путь к читателю, хоть и немногочисленному, хоть и знакомому, но всё же выходящему за пределы круга самих авторов. Да, именно в постоянстве, спокойствии, неприменности хода «Часов» при любых обстоятельствах видел редактор главное их значение. Собственно, «Часы» и Клуб-81 имели для Бориса Иванова сходные цели: и то, и другое он связывал с самосознанием культуры, с её, как он это называл, институализацией. Без общности нет культуры, так он считал. И если в середине 70-х годов авторов можно было собирать под одной обложкой, то к их концу потребовалось место, где они встречались бы друг с другом и читателями, где звучали бы стихи, проза, доклады, проходили бы дискуссии. И это должна была быть не квартира (квартира просто не вместила бы всех желающих), а легально предоставленное помещение.

И здесь мы касаемся еще одной причины возникновения Клуба-81, возможно, решающей. Дело в том, что к концу 70-х годов отношения интеллигенции и власти окончательно зашли в тупик. И те, и другие были так утомлены и напуганы друг другом, что стало ясно: неизвестно как, но положение необходимо менять. Девиз Клуба-81, не раз повторенный в воспоминаниях Бориса Иванова, звучал так: «Не бойтесь — смена караула!» Надо было обладать незаурядной политической интуицией, чтобы в ту эпоху, до смерти Брежнева, до подорожания водки, в начале афганской войны увидеть кризис системы, «смену караула» и связанную с ней растерянность КГБ, как раз и позволившую начать переговоры. Не менее, а то и более важной представляется первая часть девиза: «Не бойтесь!» Это значило: не бойтесь государства, его карательного аппарата, не бойтесь ставить условия и требовать законности, не бойтесь внешнего мира, не бойтесь выходить к широкому читателю, не бойтесь открыто встречаться и общаться, в том числе и с иностранцами, не бойтесь быть самими собой. Слова «Не бойтесь!» вполне могли стать и девизом «Часов»: пока журнал выходит, жизнь продолжается, есть единомышленники, есть преемственность культуры. Что-то вроде блокадного радио: пока слышен метроном, не всё потеряно. Борис Иванов, переживший в отрочестве блокаду, возможно, так и чувствовал. «Не бойтесь!» — это и обращение Бориса Иванова к читателям его рассказов и повестей, которые он писал с 60-х до последних лет жизни. Не бойтесь смерти, не бойтесь окружающей вас мертвечины, вы призваны разрушить её вашим бесстрашным и осмысленным существованием. Можно предположить, что призыв этот выношен ещё в студенческие годы, во многом под влиянием Камю, Сент-Экзюпери и, главное, мужественной философии Рида Грачёва, с которым Борис Иванов был дружен.

Главной экзистенциальной потребностью конца 70-х годов и было избавление от страха. Скорее всего именно это стало главной причиной возникновения и популярности Клуба-81. Эту эпоху и начало перестройки Борис Иванов сравнивает с Реформацией в Европе. Открытость культуры обществу можно сравнить с доступностью Библии, переведённой Лютером. Утрата коммунистической идеологией и аппаратом насилия монополии на политическую и культурную жизнь сопоставима с крушением всевластия католицизма и инквизиции. Необычайное распространение всяческих предрассудков и мракобесия как реакция на открытость протестантской церкви сходно с популярностью мистики и разных оккультных учений и практик в последние годы советской власти: *«Вчера «на чердаке» было отчётное собрание. Ещё не все собрались, когда кто-то сказал: «Савелия Низовского отвезли в больницу: у него после тяжёлого разговора в Детгизе случился инфаркт». Андреев: «Товарищу нужно помочь... (Как?). Всех, кто готов участвовать в*

спиритическом сеансе, прошу собраться в одном месте». Все взволнованы и заинтригованы. Андреев продолжает: «Внимание!.. Все начинаем думать только о Савелии, и о нашем желании ему помочь, закроем глаза, — он там, на высокой горе, мы видим его... мы обо всём забыли... думаем только о нём... тихо, мы сконцентрировались... А теперь посылаем ему свою волю, энергию...». Напомню, что Савелий Низовский – член Клуба-81, а Юрий Андреев – представитель Союза писателей и КГБ, курировавший Клуб. Итак, в среду интеллигентов приходит человек из органов и предлагает «посылать энергию» «товарищу», которому «нужно помочь». И все соглашаются. И спиритический сеанс состоялся! Какое непредсказуемое было время!

Главный результат существования клуба не был заранее угадан и самим Борисом Ивановым. Ещё в 1973 году он так определял задачу неофициальной культуры: «Освобождение индивидов от авторитарного типа мышления, от иерархически организованных отношений, осознание своего места в судьбе человечества, определение своей позиции, открытой нерегламентированному содержанию, полагая его своим правом и началом своей этики». В сочетании с «Не бойтесь!» и регулярными собраниями, выборами правления, развившейся культурой дискуссии это дало фантастический результат: многие члены «Клуба-81» в конечном итоге превратились в по-настоящему ответственных и свободных граждан, ответственных и свободных нравственно, эстетически и политически. Сам же клуб стал зерном гражданского общества, первой, пробной и во многом по сей день образцовой общественной организацией. Недаром именно в Клуб-81 потянулись под конец его существования экологические, культурные, политические объединения демократической ориентации. Во второй половине воспоминаний мы наблюдаем, как ширится резонанс деятельности Клуба: неофициальная культура Ленинграда – почти весь Ленинград – Москва – вся страна. И в конце 80-х Клуб как бы незаметно исчезает в лавине других общественных движений и организаций эпохи перестройки. Он исчезает, сделав своё дело, изменив нравственный и культурный облик жизни города и во многом – страны.

Прочитав почти любые воспоминания, мы задаёмся вопросом: а что же все-таки для нас сейчас важнее и просто интереснее: описанные события, участником или свидетелем которых был автор, или личность самого автора? В случае с книгой Бориса Иванова трудно ответить на этот вопрос, настолько пути его внутренней и внешней жизни переплелись с историей Клуба. Да, Иванов не был единственным создателем, воспитателем и руководителем, наоборот, с самого начала основу работы Клуба он видел в коллегиальности, выборности, открытости, и именно так Клуб и жил. Но не зря прозвище Бориса Иванова было Акела – вождь волчьей стаи из «Маугли». Без него, конечно, никакого клуба не было бы. Мы уже говорили о недоверчивости и воинствующем индивидуализме ленинградских независимых авторов 70-х гг. Переломить их могла только совершенно особенная личность – человек другой эпохи.

В упомянутом в книге докладе Бориса Останина и Александра Кобака «Молния и радуга. Пути культуры 60-х–80-х годов» проводится типологическое различие между настроениями разных эпох. Иванов так передает его основную идею: *«Шестидесятые годы мыслились выстроенные осевым событием, эмоциональными взрывами, подвигами лидеров, создателями новых форм, их эмблематический образ — молния. Восьмидесятые — это «энциклопедизм, историзм, интеллектуализм, цитатность, профессионализм, имперсонализм, эклектика, деидеологизация, игровая ориентация, прикладные формы, теория малых дел, эстетизм, гедонизм, примирение...»* В итоге, считали авторы, «образ радуги как эмблема мирного соседства красок всего спектра верно передаёт дух восьмидесятых годов». К этому следует прибавить, что промежуточные 70-е, «средние века» были ближе к «радуге», только более острые и агрессивные — постмодернистские

«имперсонализм» и «примирение» не очень-то были им свойственны. Клуб-81, в который входили и который посещали почти сплошь «люди радуги» и 70-х годов, был всё же создан «подвигом лидера» — человека эпохи «молнии».

Борис Иванов так говорил о Бродском: «Он был как ракета, отбрасывающая в полёте ступени. Никогда не возвращался. Жил только в одну сторону». Это свойство он относил во многом и вообще к 60-м годам. И сам Борис Иванов, сформировавшийся в 60-е, во многом был таким. Он остро чувствовал надвигающиеся исторические сдвиги и мгновенно начинал работать «на будущее» в смысле глубинных потребностей культуры и её носителей, ещё не всеми осознанных. И видел свое место впереди: *«Первые, казалось бы, ничего не изменившие в стране события, уже запустили в ход почти невидимые внутренние процессы. В ожидании перемен сознание забегаёт вперёд и начинает плести паутину будущего. Это целиком относилось ко мне, когда я проектировал «толстый» самиздат, затем конференции и наконец клуб. Я предчувствовал, что всё это мне удастся, именно мне, потому что нужен был организационный опыт и широкий взгляд на происходящее».*

И организационный опыт, и вообще вкус к организации общественной жизни, к политике, без чего не было бы никакого клуба, тоже родом из эпохи «молнии», когда хоть изредка казалось, что власть можно изменить, улучшить, оказать на неё влияние, во всяком случае, быть услышанным. В первых строках воспоминаний Борис Иванов определяет две политические утопии — коммунистическую и либеральную, согласно которой путем совершенствования советской системы можно добиться идеальных или хотя бы существенно положительных результатов. Да, обе утопии терпят крушение, но важно то, что либеральная возникла и была популярна не столько в годы существования Клуба, сколько опять же, в эпоху «молнии». Без уходящей корнями в 60-е годы веры Бориса Иванова в возможность осмысленного диалога с КГБ, никакого клуба не было бы!

Но политический и организаторский азарт объясняет не всё. В годы моего знакомства с Борисом Ивановым я то и дело присматривался к портрету Гегеля, висевшему над его рабочим местом, и недоумевал: Лютер был бы уместнее! Но сейчас мне стало ясно: во все эпохи советской и послесоветской жизни, во времена надежд, хаоса, призрачности, опасности, смен караула, снова надежд, — Борис Иванов верил в разум. Не только в свой разум, но и в разумное устройство мира. Необычайно редкая и сейчас, и в начале 80-х черта, делающая в принципе философски реальным диалог с кафкианским «замком» — диалог, неизменно заканчивавшийся победой переговорщиков. И снова это черта эпохи «молнии», когда, казалось, что индивидуальное или коллективное усилие способно сокрушить стену абсурда.

Так о чём же и о ком эта книга? *«Много всего нового. Освобождение заключённых, предложение режиссёру Любимову вернуться в Россию. Ведутся разговоры о новых планах либерализации... «Зарубежные голоса» слышны почти без помех... всё радует и щемит сердце, ибо на поверхность выходит драматургия жизни, трепетное переплетение человеческих слабостей и сил.*

Новый год предвижу драчливым», — это последняя запись автора за 1986 г. Мне кажется, здесь мелькает самое главное. Почему эпоха «радует и щемит сердце»? Вовсе не из-за сдвигов в политике, культуре, социуме. Оказывается, что вожак Акела, переговорщик, «человек молнии» умел видеть во всём, о чём он рассказывает, скрытую и выходящую на поверхность «драматургию жизни, трепетное переплетение человеческих слабостей и сил». И вдобавок — возможность подражаться! Вот о чём переполненная идеями, спорами, страстями, событиями история Клуба-81, рассказанная Борисом Ивановым. Взгляд — чем не шекспировский?